

Будущее как предмет социологии¹

В статье обращение международного социологического сообщества к теме будущего рассматривается как возвращение к фундаментальному предмету социологии. Социологические исследования в большинстве своем ориентированы на настоящее и проводятся как описание и объяснение социальных явлений, наблюдаемых в режиме «здесь и сейчас». Однако объект и предмет социологии диахронны: объектом социологии является настоящее, но ее предметом (явным или латентным) — будущее. Три подхода, характеризующиеся разным соотношением настоящего как очевидного объекта и будущего как не всегда оторефлексируемого предмета, прослеживаются в истории теоретической социологии. Показано, что наиболее перспективным является диалектический подход, реализованный в критической теории общества Герберта Маркузе и предполага-

ющий выведение модели социального будущего из негативных тенденций настоящего. Применение диалектического подхода к анализу современной версии капитализма и новых движений за свободу и равенство позволяет выявить тенденции возникновения новых форм социального контроля и неравенства.

Ключевые слова: социальное будущее, предмет социологии, критическая теория, Маркузе, утопия, социальный контроль, неравенство, сетевые структуры, потоковые структуры.

Дмитрий Иванов

доктор социологических наук, профессор

Юрий Асочаков

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Форум Международной социологической ассоциации (ISA) в Вене 10-14 июля 2016 г. посвящен теме «Будущее, которого мы хотим: глобальная социология и борьба за лучший мир». Будущее стало определяющей проблематикой главного события года в мировой социологии впервые почти за полвека. После VII всемирного конгресса ISA «Современные и будущие общества: предсказания и социальное планирование» в Варне в 1970 г. лидеры международного социологического сообщества ни разу не предлагали его членам сделать будущее главным предметом профессионального интереса. Обращение к теме, преобладавшей так долго в тени, выглядит концептуальным поворотом и обновлением исследовательской повестки. Однако в действительности со времен О. Конта и К. Маркса основной задачей социальной науки является не столько решение многочисленных и разнообразных теоретических и методологических проблем и поиск какой-то универсальной научной истины, сколько формирование проекта изменения социального мира. Социология нацелена на проект лучшего общества не только в случаях создания макросоциологических теорий и концепций всеохватывающих социальных изменений, но даже в текущем анализе локальных сообществ и повседневных событий. Черты социальной утопии проступают и в концепциях постиндустриального общества, и в анализе некоммерческих организаций как «очагов» гражданского общества, и в набирающих популярность исследованиях урбанистами конфликтов за контроль над городским пространством: между местными властями и активистами-экологами, между компаниями-застройщиками и местными жителями и т.п.

Несмотря на все разнообразие масштабов социальных утопий и идеологических ориентаций исследователей, социологи образуют в ценностном отношении в общем единое сообщество. Рамки концептуальных и инструментальных проблем, формулируемых и решаемых социологами, задаются явно или подспудно проектами общества, сочетающего индивидуальную свободу и социальное равенство. Консервативная утопия Конта, с которой начиналась социология, не стала доминирующей в социологическом сообществе. Спектр представлений современных социологов о возможном лучшем обществе задан скорее либерализмом Г. Спенсера и коммунизмом К. Маркса. Предлагаемые современными социологами представления о совместной жизни людей как о взаимодействиях акторов, intersубъективном конструировании социальной реальности, дискурсивных практиках, общезначимом нормативном порядке, функционировании структур, или переплетении сетей и потоков возможны только на основе идей свободы и равенства. И

без идей свободы самовыражения и равенства высказываний не возможны такие методы сбора данных, как анкетирование, интервью, контент-анализ и набирающие популярность техники Big Data.

Явное или подспудное присутствие проекта лучшего общества в базовых понятиях, в постановке исследовательских проблем и даже в методах делает постоянным и может быть даже главным предметом социологии будущее. Безусловно, подавляющее большинство социологических исследований проводятся как описание и объяснение настоящего — социальных явлений, наблюдаемых в режиме «здесь и сейчас». Однако объект и предмет социологии диахронны: *объектом социологии является настоящее, но ее предметом — будущее.*

Объектом для науки является та реальность, на которую направлен исследовательский интерес, которая предоставляет изучаемый материал. Но именно предмет, а не объект определяет содержание той или иной науки. Предмет науки — это те аспекты или особенные черты, которые исследователи выделяют в объекте, руководствуясь своими научными интересами, то есть представлениями о важных, существенных явлениях и процессах. Выделенные аспекты или особенные черты — это не часть реально существующего объекта, а его научный образ, особый способ видения объекта, характерный для данной науки. Предмет науки — это всегда результат концептуализации, конструирования при помощи понятий особой области познания. И эта концептуализация в социологии всегда больше тяготеет к тому, чем в перспективе могут стать социальные явления и процессы, а не к тому, чем они предстают сейчас.

На будущее как свой предмет изучения уже традиционно претендует футурология, но социология в этом отношении с ней практически не конкурирует. В отличие от современной футурологии, сосредоточенной на технологических перспективах человечества, на (пост)человеческой генетике и демографии, климате и экологии, а в последнее время еще и космологии [Тоффлер, 2008; Нейсбит, 2003; Капица, Курдюмов, Малинецкий, 2003], *предметом социологии является не судьба человечества, а социальное будущее:* актуальные в долгосрочной перспективе социальные структуры и способы социального взаимодействия. Некоторые проблемы, находящиеся в центре внимания футурологов, например, изменение климата и экология, попадают и в поле зрения социологов, исследующих социальное будущее.

Программа Форума ISA в Вене также демонстрирует интерес к этой проблематике, однако не в качестве неотвратимых трендов, а в качестве повестки разнообразных социальных

¹ Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00359).

движений, повседневной рутины и проектов акторов, борющихся за лучшее будущее (<http://www.isa-sociology.org/forum-2016>). Предмет интереса мирового социологического истеблишмента наиболее отчетливо представлен в программном докладе президента Форума Маркуса Шульца. В основу доклада Шульца положены идеи недавно опубликованной им статьи, в которой утверждается, что социология изначально была движима коллективной рефлексией возможности изменений и сейчас в условиях глобальных трендов и подъема новых социальных движений должна от объективистского видения на основе детерминизма и «экспертократии» перейти к вовлеченности в публичные дебаты и ориентации на «открытое и оспариваемое» будущее [Shulz, 2016].

Венский форум подтверждает тезис о том, что социальное будущее остается постоянным предметом социологии и одновременно убеждает, что сосуществующие в ней разные типы теоретизирования открывают разные перспективы исследования будущего. Одни парадигмы явно предполагают отношение к наблюдаемому настоящему лишь как к моменту накануне будущего, модели которого становятся доминирующим предметом и противопоставляются объекту — существующему обществу. Другие парадигмы сводят исследование к систематизации и интерпретации объекта, делая констатации о наблюдаемом настоящем вневременными универсалиями, в которых социальное будущее присутствует в редуцированной форме теоретических идеализаций взаимодействий и структур. Есть и парадигмы третьего рода, представляющие наблюдаемое настоящее как исследовательский материал, из состояний и изменений которого выводятся перспективы социального будущего. Эти три подхода, характеризующиеся разным соотношением настоящего как очевидного объекта и будущего как не всегда отрелексированного предмета, последовательно доминировали на разных этапах эволюции теоретической социологии.

Первый подход доминировал на ранних этапах эволюции социологии (XIX — начало XX в.), когда главной задачей исследователей сначала считалось открытие универсального закона общественного развития, а затем типология универсальных форм социальной жизни. В работах Конта, Маркса, Энгельса, Милля, Спенсера все социальные явления встроены в прогрессистские и эволюционистские модели единой траектории движения к будущему обществу [Конт, 2012; Маркс, Энгельс, 1955; Mill, 1848; Spenser 1896]. Созданные полтора столетия назад социалистические и либеральные ожидания идеального индустриального общества как «свободной и равной ассоциации производителей» [Маркс, Энгельс, 1961: 173] стали главным итогом позитивистского и материалистического проектов, хотя их специфику авторы полагали в строго научном анализе объективной реальности. Масштабные утопии основоположников науки об обществе и их концепции непреложных законов развития в классический период истории социологии уступили место иному типу теоретизирования. Э. Дюркгейм, М. Вебер, Ф. Теннис больше стремились к тому, чтобы определить и структурировать предмет социологии. Однако в созданных классиками социологии типологиях социальности отчетливо видна ориентация на социальное будущее. Тенденции перехода от механической солидарности к органической, от традиционного действия к рациональному, от общинных отношений к общественным [Дюркгейм, 1991; Вебер, 1990; Теннис, 2002] явно определяют в представлении классиков долгосрочные перспективы социальной реальности.

Оба типа теоретизирования — открытие закона развития и типология социального, — стали объектом критики историцизма К. Поппером [Поппер, 1992]. Законам прогресса Конта, Милля, Маркса в «Нищете историцизма» уделено большее внимание, но и тенденция к росту солидарности и тенденция к росту рациональности также попали под удар критики, хотя вместо имен классиков социологии в тексте Поппера фигурируют их ключевые термины «солидарность» и «смысл» [Поппер,

1992]. Скептическое отношение к существованию постоянных тенденций и тем более универсальных законов развития общества стало доминировать в научном сообществе во второй половине прошлого века.

Критика историцизма стала выражением стремления большинства социологического сообщества придерживаться строгих стандартов научной объективности, что предполагало концентрацию на фиксации наблюдаемого настоящего и избегание масштабных утверждений о будущем. Однако критика историцизма, вопреки целям Поппера, не доказывает принципиальную невозможность создания научной теории развития общества и результативного исследования социального будущего. Дефекты утопий, построенных на основе веры в закономерный ход истории, больше связаны с тем, что несбыточный образ будущего выводился авторами из априорных философских и этических доктрин, а не из собственно анализа социальных процессов. Поэтому идея открытия универсальной закономерности общественного развития все еще посещает некоторых энтузиастов на стыке социологии и социальной философии. Периодически возникают и увлекают часть научного сообщества новые модели универсальных законов развития и новые доктринальные утопии. Примером может служить теория постиндустриального общества Д. Белла, которая воспроизводит детерминистскую и стадийную логику классических теорий развития и вот уже полвека предсказывает скорое возникновение общества свободных и равных создателей знания [Белл, 2004].

Возобладавший в середине XX века новый подход к социологии как науке, избегающей историцистских доктрин, предопределил отношение к наследию классической социологии, в котором главным видится не сходство дюркгеймианской и веберовской схем сдвига от традиционного общества к современному, а расхождение между классиками в вопросе о природе объекта изучения: надиндивидуальная реальность социальных структур или предшествующая структурам реальность индивидуальных действий. Структурные и агентностные парадигмы сместили исследовательский фокус на наблюдаемое настоящее, которое представляется либо как функционирование социальной системы и составляющих ее структур, либо как создание и поддержание социальной реальности взаимодействиями агентов.

В рамках того типа теоретизирования, суть которого заключается в систематизации объекта и объяснении сложившегося социального порядка функциональностью его структурных компонентов, будущее может быть лишь простым продолжением социальных процессов в настоящем. Структурный функционализм, достигший совершенства в теоретических работах Т. Парсонса и его последователей [Парсонс, 1997; Parsons, Shils et al., 1961], породил модели социальной системы в состоянии полной интегрированности и устойчивого равновесия. Будущее здесь может быть представлено лишь как результат экстраполяции настоящего. Линейный рост при сохранении базовых характеристик — единственная перспектива в модели, где есть только две формы социальной динамики: функциональная дифференциация и структурная интеграция.

Созданная на основе системной теории Парсонса концепция модернизации оказалась хорошей ретроспективной моделью социальной динамики, но не способной показать перспективу социальных изменений. Сфокусированное на наблюдаемом настоящем структурно-функционалистское теоретизирование рано или поздно испытывает «шок будущего», когда предполагаемый линейный рост системы прерывается непредвиденными тенденциями. «Бунт» постмодернистской культуры в обществе изобилия западного типа, антимодернистский фундаментализм, начало которому положила «исламская революция» в Иране, глобализация и техногенные катастрофы заставили теоретиков систем и структур искать новые пути в исследованиях будущего. Социальное будущее как предмет изуче-

ния вернулось в макросоциологию в последние два десятилетия прошлого века в форме концептуализации рисков, неопределенностей, хаоса и бифуркаций [Beck, 1986; Crook, Pakulski, Waters, 1992; Бек, 2001; Василькова, 1999].

Критика структурного функционализма в целом и лично Парсонса за консервативную направленность теории, отождествляющей существующее общество с идеально сбалансированной и интегрированной системой, получила широкое распространение в американской социологии в конце прошлого века [Holton, 2001]. Этот эффект консервативного и даже апологического описания общества в структурном функционализме вызван не столько политическими или этическими установками теоретиков, сколько тем, что в качестве средств описания наблюдаемого настоящего использовались принимаемые за вневременные универсалии идеально-типические конструкции. Идеализации структур в системе Парсонса были, буквально по Веберу, теоретическими утопиями, выражающими интерес эпохи [Вебер 1990: 388-391]. Таким образом, социальное будущее неявно остается предметом даже в теориях, нацеленных на анализ только настоящего, но оперирующих понятиями, которые являются в большей степени редуцированными образами ожидаемого лучшего общества (где каждый элемент был бы полезен и на своем месте), чем обобщениями данных о существующей реальности.

Возникшие в результате стремления преодолеть недостатки теорий, исходящих из объективистского видения детерминизма структур, агентностные парадигмы представляют тип теоретизирования, который даже более радикально сфокусирован на настоящем как объекте социологии и ведет к исключению социального будущего из рассмотрения. Теории социального обмена, рационального выбора, символического интеракционизма, феноменологической социологии строятся на общей идее, что создание и поддержание социальной реальности агентами и/или их взаимодействиями протекает в повседневной жизни, в ситуациях, просчитываемых или интерпретируемых участниками в режиме «здесь и сейчас» [Blumer, 1969; Molm, 2001; Гофман, 2000; Бергер, Лукман, 1995].

Базовые предпосылки агентности — сознание и восприятие, рациональность или рефлексивность участников взаимодействий рассматривались создателями каждой из этих парадигм Дж. Хомансом, Г. Блумером, И. Гофманом, П. Бергером и Т. Лукманом как универсальные и практически вневременные характеристики человеческой природы. Способы взаимной координации поступков в рамках парадигмы также константны: или реципрокность обмена и получение выгод от взаимодействия в соответствии с ожиданиями, или достижение общности определения символического значения ситуации на основе взаимного управления впечатлениями, или общность интерпретации ситуации на основе интересубъективных типизаций жизненного мира. Таким образом, исследовательский интерес полностью замкнут в настоящем времени и горизонт будущего не простирается далее ожидаемых повседневных взаимодействий.

Веберовская типология социального действия по крайней мере допускала переходы, исторические сдвиги от доминирования одного типа действия к доминированию другого, как сдвиг от традиционного хозяйства к рациональному в «Протестантской этике и духе капитализма» [Вебер, 2013]. Однако апеллирующие к веберовской концепции смысла действия агентностные парадигмы — социальный обмен, рациональный выбор, символический интеракционизм, феноменологическая социология, основаны на редукции всего многообразия социальных взаимодействий к одному из четырех канонических типов действия и на его абсолютизации как универсального и вневременного. Абсолютизация только одного из возможных типов агентности и сосредоточенность на повседневности превращают социальное будущее в исследовательский предмет, лишенный практического интереса для адептов микросо-

циологических парадигм или непосильный в заданных ими рамках теоретизирования.

При явном стремлении в объяснениях и интерпретациях оставаться исключительно в настоящем, исходить только из объекта — взаимодействий людей в их повседневности, агентностные парадигмы в неявном виде сохраняют социальное будущее в качестве своего предмета. Агентностные парадигмы исходят в исследованиях наблюдаемых в повседневности взаимодействий из неотрефлексированной идеализации — свободного и равного участия в интеракции и конструировании социальной реальности. Полагая, что открытые М. Вебером, А. Шюцем, Дж. Г. Мидом, И. Гофманом принципы и формы социальных взаимодействий являются универсальными, адепты агентностных парадигм в последние годы испытывают «шок будущего», когда виртуальное взаимодействие с трудом вписывается во фреймы и в типизации прошлого века и агентностью скорее следует характеризовать гибридные сети людей, гаджетов и ботов, а не привычных обитателей жизненного мира [Latour 1996; Вахштайн, 2011; Ерофеева, 2014].

Принципиально иное отношение к социальному будущему предполагает подход, который можно считать третьим по отношению к «историцистским» теориям классиков и к сфокусированным на наблюдаемом настоящем теориям структур и действий. Третий подход в социологии представлен различными версиями критической теории. Первоначальная концепция критической теории, выдвинутая в 1930-х гг. теоретиками Франкфуртской школы, была неомарксистской рефлексией «конформизма» традиционной теории, ориентированной на согласование своих положений с существующим положением дел (фактами) и на позитивную оценку равновесия социальной системы [Horkheimer, 1976]. Замкнутой в настоящей социологии противопоставлялась теория, ориентированная на отрицание, то есть раскрытие «неистинности», относительности настоящего и на утопию как выведение модели лучшего общества из эмпирически фиксируемых тенденций [Marcuse, 1989]. Социальное будущее, таким образом, становится определяющим предметом исследования.

Сходное соотношение объекта и предмета исследования можно обнаружить в получивших распространение с 1960-х гг. критической социологии (Ч. Миллс, Э. Гоулднер), социальном акционализме (А. Турен), постмодернистской теории (Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ф. Гваттари). В этих постмарксистских теориях релятивизация объективной реальности господствующих институтов и паттернов неизбежно приводит к идеям сопротивления их власти и к попыткам концептуализации альтернативных форм социальной жизни, к поддержке антисистемных проектов и движений.

Всю вторую половину прошлого века неомарксистская и постмарксистская альтернативы социологическому мейнстриму оставались для большинства научного сообщества экстраординарными инициативами, далекими от главной цели — объективного изучения существующего положения дел, фактичности настоящего. Но в начале XXI в. стала заметна новая тенденция: социология стремится вернуться «назад в будущее». Выражением именно этого стремления стала тема форума Международной социологической ассоциации (ISA) «Будущее, которого мы хотим: глобальная социология и борьба за лучший мир» в Вене в июле 2016 года. Эта же логика исследования как социального активизма, открывающего перспективу лучшего будущего, изначально положена в основу движения за «публичную социологию», инициированного М. Буравой [Burawoy, 2005].

Другим выражением тенденции «поворота» к будущему является эволюционное метатеоретизирование, которое нацелено на преодоление традиционных рамок, заданных дилеммой «структуры или действия». В поисках решающей метафоры для обобщения актуальных социальных изменений и для концептуального обновления социологии теоретики обращаются к понятиям «сеть», «поток», «текучесть», «мобильность»

[Appadurai, 1990; Castells, 2000; Bauman, 2000; Latour, 2005; Urry, 2000]. Концептуализация сетей, мобильностей, текучести, потоков, сетевых и потоковых структур ориентирует социологию не на позитивистское видение объектности как «вещей», то есть фиксированных целостностей, но на исследование рассеянной и темпоральной объектности.

Обобщая названные тренды и движения в социологии начала века, можно сделать вывод, что лидеры международного социологического сообщества пытаются задать новую исследовательскую повестку, в которой социальное будущее, социальные изменения, социальный активизм и перспектива лучшего общества становятся ключевым предметом. Поскольку социальное будущее с трудом поддается концептуализации в рамках теоретического мейнстрима, представленного структурными и агентными парадигмами, активно ведутся поиски альтернативной логики теоретизирования. И на этом пути теоретики, иногда не рефлексируя, воспроизводят некоторые элементы концепции критической теории общества. Анализ принципов критической теории общества и достигнутых на ее основе результатов в концептуализации социального будущего может помочь избежать повторения пройденного и продолжить поиски более эффективных решений.

Критическая теория общества, создавшаяся как общая платформа исследований Франкфуртской школы, наиболее последовательное и плодотворное развитие получила в работах Герберта Маркузе в 1940-х — 60-х гг. Базовые принципы критической теории общества, которым следовал Маркузе, можно представить в следующих четырех положениях: 1) свобода — ценностная ориентация теоретизирования; 2) негативный анализ общества — вскрытие за фактичностью существующего социального порядка целостного процесса общественного развития; 3) эмпирически обоснованная утопия — выявление тенденций альтернативного развития в отрицающих существующий порядок и отвергаемых этим порядком маргинальных, антисоциальных сообществах и движениях; 4) диалектическое развитие теории — отрицание ранее созданной концепции свободы в тот момент, когда критика уже адаптирована новым господствующим дискурсом, и возобновление критического теоретизирования в новых условиях. Таким образом, для критической теории общества социальное настоящее — это объект исследования, но главный предмет — социальное будущее. Теория принципиально динамична и утопична. Имеющие плохую репутацию у позитивистски ориентированных социологов диалектическое отрицание (переход от тезиса к антитезису с последующим синтезом их обоих) и утопия включены в теорию как необходимые методологические компоненты.

Диалектическое отрицание и эмпирически обоснованный утопизм дали Маркузе возможность сделать то, что оказалось не под силу традиционным теориям, — верно указать направления, в которых происходили трансформации индустриального общества в XX в. В диалектической последовательности концепций рационализации («Разум и революция» [Marcuse, 1941]), десублимации («Эрос и цивилизация» [Marcuse, 1955]), либерализации общества («Одномерный человек» [Marcuse, 1964]) Маркузе во многом превосходил не вписывающиеся в линейную логику структурных теорий и вовсе незамеченные агентными теориями трансформации индустриального общества: переход сотрясаемого классовыми конфликтами капитализма в режим общества благосостояния в 1950-х гг.; всплеск сексуальной революции, контркультуры и молодежных протестов в обществе потребления 1960-х; возникновение новых протестных движений — экологического, антивоенного, за права меньшинств в 1970-х в момент перехода в постиндустриальную фазу развития. Работы Маркузе раскрывают социальную динамику в XX веке в диалектических терминах отрицания существующего порядка в утопической концепции свободы и последующего снятия утопии в новой системе, в ко-

торой освобождение от прежней формы подавления превращено в технологию контроля.

В конце 1930-х гг. концепция свободы выражалась у Маркузе принципом «Разума» [Marcuse, 1941]. Утопия разумно устроенного общества противопоставлялась капиталистическому обществу, движимому плохо осознаваемыми и неуправляемыми противоречиями и конфликтами. Идея преодоления эксплуатации и отчуждения путем рационализации общества, то есть сознательной и планомерной организации социальных отношений, воспроизводит логику радикальных революционных движений ранней индустриальной эпохи. Маркузе здесь не оригинален, но точен в определении направленности тех процессов, которые были отрицанием прежнего порядка, вырвавшегося из конкуренции частных интересов, и открывали перспективу социального будущего.

К началу 1950-х гг. идея рационализации воплотилась в реальности организованного капитализма. Управляемость и планомерное использование материальных и человеческих ресурсов обеспечила система массового производства, крупных корпораций и государственного регулирования. Для Маркузе стало очевидно, что рационализация привела не к свободе, а к новым, технически изощренным формам контроля и подавления. Рациональное начало человеческой цивилизации стало предметом критического анализа, и в качестве диалектического отрицания идеи «Разума» Маркузе выдвинул антитезис — идею «Эроса» как альтернативной основы социального существования [Marcuse, 1955]. Утопия десублимации общества предполагала высвобождение чувственного начала человеческой природы. Желания и стремление к удовольствию подавляются и утилизируются рациональным аппаратом общества, направляющим энергию телесных и психических импульсов к «высшим» целям экономического роста, социального развития, укрепления государства. В условиях тотальной рационализации утопию десублимации Маркузе смог вывести лишь из экстравагантных ценностей и альтернативных стилей жизни маргинальных сообществ художественного авангарда и гедонизма радикальных интеллектуалов. Однако именно их практики высвобождения чувственности и желаний из-под рационального контроля оказались моделью для трансформации организованного капитализма в общество потребления.

В 1960-х гг. Маркузе отрефлексовал поглощение идей и движений десублимации системой консьюмеризма. Высвобождение желаний индивида в потреблении стало новой формой социального контроля, более эффективной, чем институциональное принуждение и идеологическое давление. Проблемы несвободы и отчуждения, с которыми имела дело критическая теория в прошлом, приобрели принципиально новую форму: пролетарий XX века («одномерный человек»), получивший в результате развития западной цивилизации возможность считать себя свободным в условиях общества потребления, оказался подвергнут более сложному и плотному манипулированию и дегуманизирующему отчуждению, чем то, что он испытывал в условиях классического капитализма [Marcuse, 1964].

Эстетический протест оказался поглощен и стал частью системы в форме «контролируемой десублимации» так же, как ранее идеологический протест был поглощен в форме технической рационализации. Однако за фактами поглощения системой любого протеста, перехода ее в режим «одномерного общества», нейтрализующего любую оппозицию, Маркузе видит перспективу радикальной трансформации системы. Движущим принципом будущей трансформации является «Посттехнологическая рациональность», которая синтезирует рациональное и чувственное начала человеческого существования и тем самым предстает как диалектический синтез «Разума» и «Эроса». Утопия открытого, плюралистического общества, построенного на основе посттехнологической рациональности, многомерного общества была ориентирована на маргинальные практики контркультуры и новых протестных движений:

молодежного, антивоенного, экологического, за гражданские права этнических и сексуальных меньшинств. Эти практики, выглядевшие при жизни Маркузе «великим отказом» от общества, стали к концу XX века нормативными в постиндустриальном и постмодернистском обществе.

Диалектика социальной системы и антисоциальных движений, предполагаемая теорией Маркузе, подтверждается общей динамикой современного капитализма. Успешность теории объясняется точно выбранной исследовательской стратегией: выявлять в качестве тенденций социального развития не доминирующие процессы функционирования системы, а идеи, общности и движения, асоциальные, деструктивные с точки зрения практических принципов организации существующего общества, но согласующиеся с принципом свободы. Именно такие тенденции, идеи, общности, движения указывают направление дальнейшей трансформации общества. Правда, эта трансформация, вопреки ожиданиям самого Маркузе, каждый раз шла не через катастрофическое разрушение системы, а путем абсорбции асоциальных движений в качестве новых ресурсов и сфер социального развития. Рационализация общества оказалась возможной без пролетарской революции, десублимация — без тотальной реконструкции цивилизации, либерализация — без катастрофы «одномерного общества».

Если отразить социально-историческую обусловленность этой тенденции превращения протеста в системные практики, критики существующего порядка — в его идеологию, то критическая теория общества может быть продолжена применительно к уже нашему настоящему и будущему, без привлечения марксистско-гегельянского дискурса Маркузе, но с применением успешно апробированной им диалектической логики теоретизирования. У Маркузе можно заимствовать модель сдвига от социального настоящего к социальному будущему через диалектическое отрицание: маргинальные, антисоциальные группы и экстремистские, утопические движения, в настоящем подавляемые и исключаемые господствующими институциональными структурами и паттернами интеракций, в будущем становятся ориентиром и ресурсом развития общества.

Развитие системы через поглощение, усвоение и присвоение системой антисистемных сообществ и движений — диалектическая логика социальной динамики капитализма. Источники динамики находятся не в доминирующих структурах, не в культурном мейнстриме, а в анти-структурах и контркультуре. Следовательно, социальное будущее уже можно обнаружить в настоящем в негативном виде. Социальное будущее — это интенсивное настоящее. То есть это не те институциональные структуры и паттерны интеракций, которые в настоящем распространены и устойчивы, а только те процессы, которые вызывают неустойчивость, подвижность и разрывы в социальной жизни. Поэтому тенденции протеста и вызова маргиналов системе, объективно находясь на социальной периферии и вполне логично на периферии внимания в исследовании социального настоящего, в исследовании социального будущего должны становиться центральным объектом, помещаться в фокус внимания.

Сделать антисистемные движения главным объектом исследования после Маркузе предлагали и другие социологи, ориентированные на идеи неомарксизма и постмарксизма. Эта идея выражена А. Туреном в концепции историчности социального действия и социологической интервенции как совместного конструирования историчности исследователями и активистами антисистемных движений. Последователи теории социального акционализма в 1970-х гг. активно участвовали в деятельности социальных движений, в том числе экстремистских, применяя метод социологической интервенции на практике. Эта же идея, но в менее радикальной форме обнаруживается у Буравого и последователей его концепции «публичной социологии», которые обращаются к практикам гражданского акти-

визма и протестных движений, распространившихся в период после глобального экономического кризиса 2008 года.

Методы и техники социологической интервенции и «публичной социологии» могут рассматриваться как практическое развитие той концепции эмпирически обоснованной утопии, которую Маркузе представил как необходимый методологический прием, но не эксплицировал как конкретную методику и технику. Однако, чтобы эмпирические методы были эффективны в идентификации актуальных утопий, необходимо начать с реконструкции критической теории общества, остановившейся в своем развитии после создания концепции посттехнологической рациональности. Отправным пунктом здесь могут служить работы, посвященные критическому анализу новейшей формы капитализма и лежащей в ее основе специфической рациональности [Болтански, Кьяпелло, 2011; Иванов, 2008; Moulier Boutang, 2012; Fuente, Murphey, 2014].

Мы полагаем, что разные трактовки господствующей сейчас рациональности постиндустриального капитализма (в терминах Маркузе «посттехнологической рациональности»), подчеркивающие в ней сетевое, символическое, эстетическое начала, в общем едины. Интегральной характеристикой постиндустриального капитализма может выступать виртуализация производства и потребления. Социальная жизнь погружена в виртуальную реальность брендинга, имиджмейкинга, сетевых структур коммуникации. Интенсивная в последние десятилетия коммодификация образов и коммуникаций привела к перенасыщению рынков брендами и сетевыми бизнес-проектами. В результате, виртуализация товаров и управленческих структур больше не дает конкурентных преимуществ. Чтобы преуспеть в конкуренции на перенасыщенных постиндустриальных рынках, необходимо создавать образы, более яркие, простые и быстро сменяющиеся. Так логика капитализма приводит к тому, что рациональностью его современной формы становится гламур.

Бывший в прошлом веке всего лишь экстравагантной эстетикой, в начале нового столетия гламур определяет поведение и производителей, и потребителей, и финансовых аналитиков, и политиков [Иванов, 2011; Baaghil, Mossalli, et al., 2013; Billet, Jiang Zhan, Rego, 2014]. Глэм-капитализм развивается на основе сдвига в создании стоимости от выстраивания брендов и сетевых структур к генерированию трендов и потоковых структур. Этот сдвиг можно наблюдать не только в индустрии моды и шоу-бизнесе, но и в высокотехнологичном и финансовом секторах.

Если в теории Маркузе потребление на базе искусственно создаваемых потребностей было относительно мягкой формой социального контроля, а многомерность (плюрализм стилей жизни, мультикультурализм) отождествлялась со свободой, то потребление на базе виртуально созданного многообразия выбора и интенсивной смены трендов теперь является жестким принуждением. Диалектика современного общества коренится в динамике глэм-капитализма и альтернативных ему движений. Диалектическое отрицание сейчас движимо новыми утопиями, возникающими как комбинации идей и практик из трех источников:

- 1) «киберутопизм» энтузиастов цифровых технологий и поборников свободы и равенства в доступе и распространении информации в виртуальном пространстве интернета;
- 2) бунт аутентичности против избыточной виртуализации и гламура, представленный энтузиастами ухода из-под контроля глобальных брендов и культивирования эстетики «старых добрых» аналоговых вещей и реальных действий;
- 3) «3D-утопизм» энтузиастов освобождения от власти крупных корпораций путем креативного потребления и равных возможностей индивидуального использования новых высоких технологий.

Утопии как проекты общества свободы и равенства культивируются в зонах интенсивного настоящего, в тех сегментах

общества, где в разрыве с господствующим настоящим можно увидеть очертания социального будущего. Движения и сообщества, в которых воплощаются новейшие утопии, в разных формах и с разной степенью осознанности противостоят монополизму глэм-капиталистов, опирающемуся на систему копирайта и на технические средства ограничения доступа к информации, медийным и символическим ресурсам. «Пираты» нарушают права «интеллектуальной» собственности в сетях и на потребительских рынках. Потребители, использующие 3D-принтеры, подрывают производственную монополию корпораций и государства. Создатели и распространители технологии биткоинов подрывают монополию государства на выпуск денег и господство банков в создании финансовых инструментов. Хакеры под контрбрендом 'Anonymous' проводят виртуальные акции против ограничений в интернете. Движения 'Occupy' и 'Indignados' организуют в реальном пространстве акции протеста против неравенства и сверхдоходов современных капиталистов. Хипстеры формируют эстетику потребления, в которой аутентичность реального опыта, локального и самодельного продукта ценнее престижа глобального и корпоративно конструируемого имиджа, и будущее создается на основе синтеза «аналогового» прошлого и «цифрового» настоящего.

Первоначальной реакцией глэм-капиталистов и истеблишмента глэм-демократии на возникновение каждого подобного альтер-социального движения становится стремление подавить его полицейскими методами. Однако затем стратегией корпораций и государства становится абсорбция этих движений как источников креативных решений, как ресурсов развития. Тенденции поглощения системой антисистемных движений и одновременной трансформации системы в направлении, заданном протестом против системы, можно наблюдать в виде создания крупными корпорациями сетей разработчиков программных продуктов с открытым кодом в духе хакерских сообществ, коммерциализации торрентов, адаптации банками технологий блокчейн, организации государствами кибератак на нежелательные интернет-сайты, использования тактики и стилистики протестных акций в проправительственных кампаниях и т.д.

Создатели трендов, в которых происходит конвергенция структур глэм-капитализма и паттернов альтер-социальных движений, способны трансформации общества в направлении альтер-капитализма. Поглощение наступающей системой утопий и мотивируемых ими движений за свободу и равенство приводит к возникновению новых форм социального контроля и неравенства. Эта диалектика вырастания новых форм контроля и неравенства из тенденций эмансипации и эгалитаризма уже отчетливо видна в двух тенденциях интенсивного настоящего.

Во-первых, сетевые структуры, вопреки ожиданиям «киберутопистов», становятся средой и средством установления различий и дискриминации. Новое пространство взаимодействия создавало основание для надежд, что с традиционными формами ограничений и неравенства будет покончено. В соответствии с «Принципами Кремниевой долины» [Packer 2013] Интернет рассматривается как виртуальная территория свободы, которой свойственны «открытость», «нейтральность сети», «плоскость», то есть отсутствие иерархии. Однако сначала развитие интернета породило «цифровой разрыв» как неравномерное распределение возможностей доступа, а теперь возникает разрыв, который можно назвать контентным. Пользователи, в равной мере имеющие доступ к интернету, генерируют разный объем сообщений и привлекают внимание сетевого сообщества в разной степени. Сети стали ареной борьбы за внимание целевых аудиторий, а сетевые структуры стали структурами неравенства [Асочаков, 2015], хотя в конце прошлого века представлялись в теоретических утопиях как альтернатива и рынку с его конкуренцией, и иерархии с ее отношениями власти-подчинения [Castells, 2000].

Во-вторых, традиционный «материальный разрыв» в доходах и объеме потребления все больше дополняется темпоральным разрывом. Темпоральное неравенство не может быть описано в привычных социально-пространственных терминах размещения людей на разных уровнях статусной «лестницы» или нахождения их внутри и вне «круга» избранных. Различие нужно делать в социально-темпоральных терминах: между успевающими и опоздавшими стать участниками тренда. Для производителей и потребителей, генерирующих тренды, консьюмеризм становится менее материально ориентированным и более темпорально ориентированным. Время становится специфической ценностью, приобретаемой за деньги, а деньги становятся средством капитализации времени в виде трендов, ритмов актуальности и т.п. Возрастающая значимость темпоральной организации доступа к трендовым товарам требует сместить фокус анализа с традиционного количественного разрыва между «получающими больше» и «получающими меньше» в направлении временного лага между «получающими сейчас» и «получающими позже».

Неравенство сейчас принимает форму не только иерархического порядка, дифференцирующего высокие и низкие позиции, или сетевого порядка, дифференцирующего центральные и периферийные позиции. Неравенство может основываться на различии в динамике, на дифференциации интенсивности потоков ресурсов. Тренды на рынках постиндустриального капитализма представляют собой форму потоковой организации потребления и социальной дифференциации. Тренды обнаруживают себя, когда потоки материальных, человеческих и символических ресурсов проходят через привычные границы национальных государств, социальных институтов, сообществ, слоев и сетей. Вопреки теоретическим утопиям конца прошлого века, потоки не просто освобождают и открывают дополнительные возможности «за пределами общества» [Urry, 2000], а вовлекают в новые формы социального контроля и неравенства.

Диалектика утопических движений и новых форм контроля и неравенства раскрывает логику появления социального будущего в интенсивном настоящем. В перспективе диалектической теории утопии не рассматриваются с точки зрения содержащихся в них проектов. Они важны как выражение тенденций трансформации социального порядка, развивающегося через отрицание и синтез с анти- и альтер-социальными движениями. Будущее не становится продолжением господствующих в настоящем социальных структур. Поэтому исследования будущего, построенные как простая экстраполяция социального мейнстрима не результативны. Будущее не становится реализацией маргинальных (анти)утопий на развалинах прежнего общества. Поэтому футуристические сценарии полного разрыва с настоящим также не результативны. Актуальной исследовательской моделью является диалектика интенсивного настоящего: будущее обнаруживается в трендах, возникающих из конфликта и конвергенции существующих структур и подрывающих их существование движений.

Список литературы:

- Асочаков Ю. В. «Цифровая либерализация», «цифровое неравенство» и киберскептицизм // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. 2015. № 2. С. 93-99.
- Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 2004.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Academia-Центр, 1995.
- Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб.: Издательство «Лань», 1999.
- Вахштайн В. С. Социология повседневности и теория фреймов.

- СПб.: Изд-во Европейского университета, 2011.
- Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013.
- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс, 2000.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- Ерофеева М. А. Релятивистская программа в социологии: от повседневности к новой онтологии социального // Социологические исследования. 2014, № 1. С. 134-137
- Иванов Д. В. Гламурный капитализм: логика «сверхновой» экономики // Вопросы экономики. 2011, № 7. С. 44-61
- Иванов Д. В. Глэм-капитализм. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008.
- Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: УРСС, 2003.
- Конт О. Общий обзор позитивизма. М.: Книжный дом «Либроком», 2012.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Изд-во политической лит., 1955.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. М.: Изд-во политической лит., 1961.
- Нейсбит Д. Мегатренды. М.: АСТ, 2003.
- Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997.
- Поппер К. Ницета историцизма // Вопросы философии. 1992. №10. С. 29-58.
- Теннис Ф. Община и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Фонд «Университет», Владимир Даль, 2002.
- Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2008.
- Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity. London: SAGE, 1990.
- Baaghil S., Mossalli M., Ashour R., Khashoggi Y. Glamour Globals: Trends over Brands. Bloomington: iUniverse, 2013.
- Billett M., Jiang Zhan, Rego L. Glamour Brands and Glamour Stocks // Journal of Economic Behaviour & Organization. Vol. 107, Spec. Issue, Nov. 2014. P. 744-759.
- Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge, 2000.
- Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1986.
- Blumer H. Symbolic Interactionism. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice Hall, 1969.
- Burawoy M. For Public Sociology // American Sociological Review. 2005, Vol. 70 (February). P. 4-28.
- Castells M. The Rise of the Network Society. 2nd ed. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2000.
- Crook S., Pakulski J., Waters M. Postmodernization: Change in Advanced Society. London: SAGE, 1992
- Fuente E., Murphey P. (eds.) Aesthetic Capitalism (Social and Critical Theory). Boston: Brill Academic Publishers, 2014.
- Holton R. Talcott Parsons: Conservative Apologist or Irreplaceable Icon? // Handbook of Social Theory, ed. by G. Ritzer and B. Smart. London: SAGE Publications, 2001.
- Horkheimer M. Traditional and Critical Theory // Critical Sociology. Harmondsworth (Mx): Penguin Books, 1976.
- Latour B. On Interobjectivity // Mind, Culture, and Activity. 1996, Vol. 3, N 4. P. 228-245.
- Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford, 2005.
- Marcuse H. Eros and Civilization. Boston: Beacon Press, 1955.
- Marcuse H. One-Dimensional Man. Boston: Beacon Press, 1964.
- Marcuse H. Philosophy and Critical Theory // Critical Theory and Society. New York: Routledge, 1989.
- Marcuse H. Reason and Revolution. Oxford University Press, 1941.
- Mill J. S. The Principles of Political Economy with Some of Their Applications to Social Philosophy. London: John W. Parker, West Strand, 1848.
- Molm L. Theories of Social Exchange and Exchange Networks // Handbook of Social Theory, ed. by G. Ritzer and B. Smart. London: SAGE Publications, 2001.
- Moulier Boutang Y. Cognitive Capitalism. Cambridge (UK): Polity Press, 2012.
- Packer G. Change the World: Silicon Valley transfers its slogans — and its money — to the realm of politics // The New Yorker, May 27, 2013.
- Parsons T., Shils E., Naegle K., Pitts J. (eds.), Theories of Society. New York: Simon & Schuster, The Free Press, 1961.
- Schulz M. Debating futures: Global trends, alternative visions, and public discourse // International Sociology. 2016. N 1, P. 3-20
- Spencer H. The Study of Sociology. New York: D. Appleton & Co, 1896.
- Urry J. Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century. London and New York, 2000.